
ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРА

И. М. НИКОЛЬСКИЙ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В «ПОХИЩЕНИИ ЕЛЕНЬ» ДРАКОНЦИЯ

В статье анализируется эпиллий «Похищение Елены», написанный карфагенским поэтом Драконцием (V – начало VI в.), – как пример репрезентации политических представлений в творчестве этого автора и в литературном творчестве в целом. Классический мифологический сюжет, возникший в произведении в новой, оригинальной версии, рассматривается как аллегория современных Драконцию событий – конфликта между вандалами и римлянами. Взгляд под таким углом позволяет кардинально переоценить сложившиеся в исследовательской литературе представления о системе и расстановке образов и персонажей в этом произведении.

Ключевые слова: Драконций, эпиллий, мифы, античность, Рим, Карфаген, вандалы

Сочинение «Похищение Елены» принадлежит перу латинского поэта Блоссия Эмилия Драконция, жившего в конце V – начале VI в. в Карфагене, в то время столице вандалского королевства, объединившего бывшие римские провинции в Африке. Это произведение – т.н. эпиллий (*epillion, epyllion*), создано в жанре, под которым принято понимать поэму, сложенную по мотивам известных мифологических сюжетов. У Драконция выделяют целый цикл таких сочинений¹, известных по большей части благодаря сборнику *Romulea* (другое название – *Carmina Profana*, используется в парижском издании *Les Belles Lettres*²). Сюда относятся также «Медея», «Размышление Ахилла, выдать ли ему за выкуп тело Гектора» и ряд других произведений с эпической сюжетной основой, в числе которых «Трагедия Ореста», которую издатели приводят отдельно от остальных *Carmina*³.

Драконций прожил насыщенную в политическом смысле жизнь. Немногочисленные, но очень яркие следы его деятельности на этом поприще легко реконструируются по сохранившимся трудам этого автора⁴. Известно, что он происходил из знатной римской семьи, принадлежавшей, возможно, к сенаторскому сословию, получил образование у Фелициана Грамматика, до поры до времени строил вполне успешную карьеру юриста и оратора, был вхож во властные круги – главные по-

---

¹ Bright 1987; Wasyl 2011.

² Bouquet, Wolff 1995; Wolff 1996.

³ Эти произведения издавались в т. ч. и в русском переводе. См.: Ярхо 2001.

⁴ Эта работа была уже неоднократно проделана исследователями. См. напр.: Romaño 1959: 9–23; Ярхо 2000. С. 208–210; Bright 1999. P. 193; Schetter 1994. S. 342.

зиции в которых перешли к вандалам, при сохранении общего каркаса римской административной системы по крайней мере на муниципальном уровне. Известно, что одно из своих ранних сочинений, «Контроверсию о статуе храброго мужа», поэт декламировал в присутствии проконсула Пацидея⁵. В какой-то момент – наиболее распространенная точка зрения, что это произошло между 484 и 496 гг., т.е. в правление короля Гунтамунда – Драконций оказался в опале и был арестован, по причинам, как считается, политического характера⁶. Намек на эти причины содержится в написанном им в тюрьме произведении «Искупление» (*Satisfactio*), изложенной в стихах просьбе о помиловании, адресованной королю вандалов. Автор кается в том, что раньше воспевал не «триумфальные войны» Асдингов (*nominis Asdingui bella triumphegera*, *Sat.* 22) и не «достойных господ» (*domini modesti*), а некоего «безвестного господина», *dominus ignotus* (*Sat.* 93–94). Большинство исследователей увидели в этом указание на некий более ранний, не сохранившийся текст, вероятно, панегирического характера, посвященный какому-то другому правителю, личность которого не вызывала у Гунтамунда больших симпатий⁷. Так или иначе, «Искупление» искомым результатов не принесло, и поэт оставался в тюрьме, пока в королевстве не сменился правитель: следующий король, Тразамунд (496–523) освободил Драконция из-под стражи – как полагают, после сочинения соответствующего панегирика, текст которого также не сохранился.

Творчество Драконция соответственно также обычно делится на три этапа – до тюрьмы, во время и после. К до-тюремному относят первые несколько сочинений из сборника *Romulea*, включая два посвящения учителю, Фелициану (*Romulea* 1; 3) и «Контроверсию о статуе храброго мужа» (*Romulea* 5). К тюремному – упомянутое выше «Искупление» и крупнейший сохранившийся труд поэта, «Хвалу Господу» (*De Laudibus Dei*). К пост-тюремному – те самые эпиллии, к числу которых относится и «Похищение Елены»⁸. «Трагедия Ореста» стала, вероятно, самым поздним произведением поэта из их числа. Как правило, в исследованиях, посвященных Драконцию, содержание этих мифологических поэм анализируется вне какого бы то ни было политического контекста. Обычно авторы таких работ ограничиваются поиском параллелей с изображением соответствующих мифов в предшествую-

⁵ *apud proconsulem Pacideium*. См. *Romulea* 5 в издании Ф. Фольмера.

⁶ Подробнее об этом сочинении, а также его перевод на русский язык см. в работе: Никольский 2017.

⁷ Обычно называются имена императоров – Зенона, Анастасия – либо остготского короля Теодориха, либо вандальского же короля Хунериха. См. напр.: Romano 1959. P. 16–23; Bright 1987. P. 14–20; Schetter 1990. S. 90; Obermeier 1999. P. 59–61; Edwards 2004; Merrills 2004.

⁸ О хронологии сочинений Драконция см. напр.: Bright 1999.

щей античной традиции, а робкие попытки рассмотреть эти произведения в несколько более широком интерпретационном поле, ограничиваются сферой религии и вопросов ее трансформации в позднеантичную эпоху. Так, Б. ванн Зил Смит и Г. А. Маррон поняли сюжет «Трагедии Ореста» и «Похищения Елены» как христианскую пропаганду семейных ценностей с осуждением супружеских измен, решив, что соответственно Эгисф с Клитемнестрой (в первом случае) и Парис с Еленой (во втором) представляют модели нежелательного поведения⁹.

В этой статье я постараюсь на примере «Похищения Елены» показать, что, во-первых, эпиллии Драконция могут быть рассмотрены с учетом его политических взглядов и представлений (более того, не могут быть исчерпывающе изучены вне этого контекста), а во-вторых, что этот политический контекст уже в свою очередь может значительно изменить привычную картину системы образов и персонажей, какой она представлена в существующих исследованиях. На такой ход мысли наталкивает прежде всего существование системы сквозных образов, объединяющих мифологические поэмы с откровенно политизированным «Искуплением» и с риторической «Контроверсией», в которой, пусть и не так явно, также угадывается политическая декларация.

Наиболее яркий и распространенный среди этих образов – образ льва. Драконций трижды, сначала в «Контроверсии», затем в «Искуплении» и наконец – в «Похищении Елены», упоминает это животное в контексте сравнения с другим персонажем. В первом случае это *vir fortis*, «храбрый муж», главный герой «Контроверсии», во втором – король Гунтамунд, и в третьем – царь Саламина Теламон. Во всех трех случаях Драконций, изображая льва как пример милосердия и благородства, приводит очень близкие по тексту описания. В них лев представлен зверем, не интересующимся мелкой добычей и потому щадящем ее («Контроверсия» и «Искупление»), и не нападающим на слабого охотника (то же «Искупление» и «Похищение Елены»)¹⁰. Сходство текстов

⁹ Van Zyl Smit 2010; Marrón 2016.

¹⁰ Ср.: Romulea 5 (Controversia). 306–311: Si ratio te nulla movet, si mente cruenta / humana pietate cares, imitare leones / quos feritas generosa iuvat: super arma tenentes / ingruere fremitusque dare procul ore cruento / nobilis ira solet, subjectis parcere gaudent / et praedam rabies contempit fulva iacentem (Если ничто не смягчает тебя и дух твой кровавый / Во все лишен человеческой жалости,— лвам подражай ты! / Дикость в них благородна: на тех, кто грозит оружием / Смело бросаться и издали рыкать кровавою пастью / Гнев величавый привык, а покорных щадить они рады, / И презирает добычу лежачую рыжая ярость – перевод З. Морозкиной под ред. М. Л. Гаспарова – см. Гаспаров 1982.) и Sat. 265 – 270: Ut mi irascaris, quis sim <qui> dignior ira / tam magni regis iudicer esse tua? / Quando per aetherias aquila volante rapinas / praeda cibusque fuit passer hirundo picus? / Quando fames rabidi quamvis ieiuna leonis / ut sit, adoptavit faucibus esca lepus? (Что же ты так сильно разгневался на меня, / И я оказался более [чем кто бы то ни было] достоин твоего гнева, и судим столь великим коро-

не укрылось от глаз исследователей – в статье об истоках «львиных» мотивов у Драконция на это обратила внимание Г.А. Маррон¹¹.

Вопросом, тем не менее, остается – насколько искренне Драконций восхвалял благородство льва и, соответственно, сравниваемых с ним персонажей. Некоторые сомнения в положительном настрое автора способна посеять уже «Контроверсия», в которой «храбрый муж» – далеко не симпатичный автору герой. По сюжету он, возгордившись военными победами, решил отобрать последнее имущество своего согражданина, бедняка. В описании Драконция это грабитель и провокатор, потенциальный зачинщик гражданской войны; апелляция к благородству льва как единственного хищника, способного на милосердие – представле-

лем? / [Было ли такое], когда добычей и пропитанием орла, парящего в воздухе, / Становился воробей, ласточка или дятел? / [Было ли такое], когда голод толкал в пасть взбешенного льва / зайца в качестве пищи? – перевод мой, см. Никольский 2017); Sat. 137–150: Sic leo terribile fremit horridus ore cruento / Unguibus excussis dente minante neces; / acrius iratus crispato lumine ferri / et mora si fuerit, acrius inde furit; / at si venator trepidans venabula ponat / territus et iaceat, mox perit ira cadens. / Temnit praedo cibos, quos non facit ipse cadaver, / ac ferus ignoscit, ceu satis accipiat, / et dat prostrato veniam sine vulnere victo / ore verecundo deiiciens oculos. / Sic tua, regnator, non impia frangitur ira, / cum confessus erit crimina gesta reus. / Ignoscendo pius nobis imitare Tonantem, / Qui indulget culpis, et veniam tribuit. (Так, ужасный лев страшно рычит кровавой пастью, / Грозя гибелью выпущенными когтями и зубами / И еще больше распахивая от сверкания взмахов клинка, / А промедление [охотника] делает его еще злее, / И если охотник смутится, в страхе возьмет и отбросит копьё, / То скоро он погибнет, пав жертвой гнева: / Ведь хищнику именно [его] труп нужен для пропитания. / А будучи сытым, зверь отпускает [жертву] и дарует пощаду поверженному / и побежденному, не причиняя ран, отведя взгляд от смущенного лица. / Так, правитель, нет ничего нечестивого в том, чтоб усмирить и твой гнев, / Когда преступник кается в своих преступных делах – / Милостивый прощением к нам подобен Громовержцу, / Что прощает преступления и щадит. – перевод мой, см.: Никольский 2017). и Romulea 8 (De Raptu Helenae). 350–364: Sic magna leonis / ira fremit, cum lata procul venabula cernens / venantis crispate manu iam verbera caudae / cruribus incutiens spargit per colla per armos / erecta cervicem iubas, jam tenditur altus / dentibus illis et pectus grande remugit / (flumina tunc resonant, montes et lustra resultant); / ast ubi venator reiecta cuspidе sollers / sponte cadit pronusque iacet, perit ira leonis, / turpe putans, non dente suo si praeda iacebit; / temnit praedo cibos, quos non facit ipse cadaver, / ignoscens feritate pia, veniale precatus / venator si cesset iners: sic rector Achivus / frangitur et Phrygibus convivia laeta parari / per septem iubet ipse dies. (Так в ярости страшной бушует / лев, различая вдаль, как в руках у охотников копьё / мерно колышутся; хвост по бедрам наносит удары, / вот поднял голову лев, и грива, рассыпавшись, кроет / плечи и шею ему; зубами скрежещет; встает он / и из груди разнеслось рычание громкое (реки / эхо ему шлют в ответ, луга и окрестные горы); / но как, отбросив копьё, охотник искусный на землю / падает быстро ничком и лежит, гнев у льва угасает / значит, добыча зубов избежала свирепых, и хищник, / ту презирает еду, что не сам для себя умертвил он, / в дикости благочестивой прощает, когда для спасенья / все неподвижно лежит охотник. Правитель ахейский / так же от гнева остыл, фригийцев на пир семидневный / сам приглашает – перевод этого произведения здесь и далее – В. Н. Ярхо).

¹¹ Marrón 2017

ние, восходящее еще к Плинию,¹² – становится последним «мирным» аргументом в споре между бедняком и этим «храбрым мужем».

Еще более жесткой риторикой отличается произведение, обычно менее заметное при изучении «львиных» интертекстуальных параллелей, но не менее значимое – посвящение Фелициану Грамматику, известное как первый по счету текст в Romulea. В нем говорится о противостоянии римлян – «наследников Ромула» (Romulides) – со свирепыми варварами, очевидно, вандалами. Этот конфликт сравнивается с охотой хищников на травоядных животных, остановить которую смог лишь Орфей – его воплощением оказывается как раз Фелициан¹³. Варвары, т.е., по существу вандалы, сопоставляются с дикими зверьми, в числе которых встречается и лев¹⁴, а эпитеты, которые при этом использует Драконций (*fera bestia, cruenta bestia*)¹⁵, далеки от демонстрации восхищения, а скорее наоборот, унижительны для объектов сравнения.

Этот образный ряд мог менять смысл «Искупления»: сравнение со львом оказывалось для его главного адресата, короля Гунтамунда, уже не хвалебным, а оскорбительным, а сам текст панегирического прошения о помиловании превращался благодаря ему в скрытую издевку – и в этом смысле объяснимо, почему это произведение не помогло Драконцию освободиться¹⁶. Однако отдельный вопрос – как могли заиграть новыми красками образы прочих персонажей, которых Драконций уподоблял льву, с учетом этого обстоятельства, и как мог меняться смысл других его произведений, в которых это сравнение возникает? «Похищение Елены» здесь занимает особенно важное место, поскольку его герой Теламон оказывается не просто объектом сравнения со львом – но сравнения, почти дословно повторяющегося и в «Контроверсии», и в «Искуплении», – то есть становится в определенном смысле продолжением и «храброго мужа», и Гунтамунда.

Исследователи обычно далеки от того, чтобы рассматривать саламинского царя как отрицательного персонажа эпиллия. Практически единогласно главным антигероем признается Парис¹⁷. На первый взгляд, это действительно очевидно: он похитил Елену, злоупотребил

¹² См. у Плиния об этом: NH IV.48.

¹³ Romulea 1.1–12: Orpheum vatem renarrant ut priorum litterae... sancte pater, o magister, taliter canendus es (Как вновь и вновь рассказывают произведения предшественников о поэте Орфее... так и ты, о святой отец, о учитель, столь же достоин быть воспетым – перевод этого сочинения здесь и далее – мой, см. Никольский 2018 – И.Н.).

¹⁴ Romulea 1.8: Non lupum timebat agna, non leonem caprea (ни овечка не боялась волка, ни серна – льва).

¹⁵ Romulea 1.6, 1.4.

¹⁶ Никольский 2018.

¹⁷ Romano 1959. P. 30–37; Bright 1987. P. 85–137, особ. 90; Simons 2005. S. 285–306; Van Zyl Smit 2010; Wasyl 2011. P. 31–39; 52–59, особ. 53, n. 159; Cichoń 2016; Marrón 2016.

гостеприимством ахейцев, разрушив узы брака, лишив Менелая возможности завести потомство¹⁸, и все это спровоцировало войну, в которой было суждено погибнуть невинным троянцам. Драконций сам прямо называет это деяние «преступным»¹⁹, «дерзновением преступного сердца»²⁰ и не скрывает того, что намерен осудить именно поступок Париса. Но если взглянуть на сюжетную канву «Похищения Елены» внимательнее, ответ на вопрос как минимум о виновнике кровопролития между греками и троянцами покажется уже не таким однозначным.

Говоря в начале поэмы о том, что Парис обрек на смерть своих родственников и друзей, Драконций не забывает упомянуть о том, что и «хитроумная Греция осуждена потерять великих мужей» (*De Raptu Helenae* 45–46)²¹. Среди прочих потерь карфагенский поэт называет «Теламонову поросль», Аякса (*De Raptu Helenae* 47–48)²², тут же поясняя, что тот должен погибнуть, «так как мать его Гесиону не возвратили Приаму» (*De Raptu Helenae* 51–52)²³.

По сюжету «Похищения» Аякс – сын Теламона именно от Гесионы, а не Перибей. Их брак оказывается зеркальным отражением связи между Парисом и Еленой. Обе женщины были отобраны у своих законных «владельцев», Елена у мужа, Менелая, а Гесиона у брата, Приама – и разница в том, что Елена согласилась на свое «похищение» добровольно, а Гесиона была захвачена в плен и стала женой Теламона принудительно, большой роли с точки зрения структуры поэмы не играет. Важны в этом смысле последствия: и те, и другие отношения оказываются нелегитимными и ведут к гибели друзей и родственников тех, кто в них состоит; здесь я позволю себе не согласиться с Г.А. Маррон, по мнению которой, «неправильным» отношениям Париса и Елены противопоставлялись «правильные» – Теламона и Гесионы²⁴. Если продолжать эту

¹⁸ *De Raptu Helenae* 3–10: *Nam prodimus hostem / hospitis et thalami populantem iura mariti, / foedera coniugii, consortia blanda pudoris, / materiem generis, sobolis spem, pignora prolis: / nam totum de matre uenut, de matre creatur / quod membratur homo; pater est fons auctor origo, / sed nihil est <sine> matre pater; quota portio patris / omnis constat homo? Mater fit tota propago.* (Ибо гостя покажем, / гостеприимца права поправшего, спальню супруга, / брачный союз осквернившего, связи стыдливые ложа, / рода основу, надежду в потомстве найти продолженье: / мать – начало всего, из чего сочленяются люди, / матерью все рождено; пусть отец – источник, зачинщик, / все же ничто он без матери: долю какую отцову / каждый хранит человек? От матери – все поколения).

¹⁹ *De Raptu Helenae* 11: *Ergo nefas Paridis, quod raptor gessit adulter* – Чтобы поведать я смог о похищенье преступном (nefas букв. – «недопустимом») – И.Н.)

²⁰ *De Raptu Helenae* 2: *scelerati pectoris ausum*

²¹ *Damnatur gentes, damnatur Graecia sollers / heu uiduanda uiris.*

²² *damnatur Thessalus heros / et Telamone satus, pereunt duo fulmina belli.*

²³ *quod mater reddita non est / Hesione Priamo.*

²⁴ Marrón 2016. P. 97–98.

симметрию, то вслед за параллелью между пострадавшими сторонами (Менелай и Приам), объектами преступных действий (Елена и Гесиона) и последствиями для похитителей (гибель их родственников и невинных сограждан), угадывается параллель и между Парисом и как раз Теламоном как главными виновниками бедствий. Не пожелавший вернуть троянцам Гесиону саламинский царь оказывается ничуть не менее ответственным за последующее кровопролитие, чем Парис. Равенство между ними обозначается, помимо всего прочего, и терминологически: устами Приама Драконций называет удержание Теламоном Гесионы «преступлением», используя слово *scelus*²⁵ (ср. процитированный выше фрагмент – *De Raptu Helenae* 2: *scelerati pectoris ausum*). Более того, пленение Гесионы и насильственный брак с ней Теламона предшествует похищению Елены, и даже невольно способствует последнему: Парис встретился с ней на переговорах между троянцами и греками, предметом которых была именно судьба Гесионы²⁶. Если иметь это в виду, Теламон оказывается уже не просто таким же преступником, как Парис, но даже еще большим зачинщиком грядущего греко-троянского кровопролития.

В нашем случае, однако, важнее понять, не *кого* из персонажей Драконций назначил ответственным за войну между греками и троянцами, а *что* он мог путем изображения этой войны выразить. Ситуация конфликта не уникальна для его творчества, интригу значительного количества его произведений составляет то или иное противостояние. В посвящении Фелициану Грамматику это столкновение хищников с травоядными, в «Контроверсии» – богатого воина, «храброго мужа», с его согражданином бедняком, в «Искуплении» – поэта-просителя и вандальского короля. Риторика автора от сочинения к сочинению меняется, от бескомпромиссной и безапелляционно обвинительной в ранних сочинениях, посвящении и «Контроверсии», к просительной и извиняющейся в «Искуплении». Однако переходящий из произведения в произведение образ льва каждый раз служит опознавательным знаком именно той стороны, оппонентом которой выступает Драконций.

Учитывая аллегорический ряд посвящения Фелициану, в котором лев как дикий зверь сопоставлялся с варваром, в противовес «наследникам Ромула», а также личность адресата «Искупления», которым выступил вандальский король, можно предположить, что за образом льва, систематически возникавшем в сочинениях Драконция, скрывался образ вандала. В свою очередь, стоявший в основе каждого его сюжета кон-

²⁵ *De Raptu Helenae* 279: *Quod peteris, Telamon, scelus est et fama pudoris* – То, что мы просим тебя, – преступление и стыд несказанный. (Здесь я склонен согласиться с пояснением В.Н. Ярхо в комментарии к этому месту, что слово *scelus* («преступление») относится скорее к поступку Теламона, чем к факту просьбы – *И.Н.*)

²⁶ Завязка любовной встречи Париса и Елены описывается в 440–494 строках «Похищения».

фликт в таком случае можно считать аллегорией римско-вандалского противостояния. Это противостояние было неминуемо порождено самим фактом оккупации вандалами северной Африки. Их приход породил столкновение совершенно разных групп элит, разделившихся и по культурному (римляне против варваров), и по религиозному (католики против ариан), и по политическому (старая знать против новой) принципу. Описанное в наиболее пиковых формах Виктором Витенским, оно в тех или иных вариациях сохранялось до последних лет существования вандалского королевства. (Показательно, что когда в Карфаген входили войска Юстиниана, практически никто из местного не-вандалского населения не оказал тем сопротивления²⁷).

В «Похищении Елены» через конфликт греков с троянцами было показано, по всей видимости, также именно это противостояние – причем в лице греков, на что указывает пример «льва»-Теламона, возникли не римляне, а именно вандалы. Еще одним указанием такого рода можно считать сравнение Менелая, в том как он вел себя после похищения Елены, с обезумевшей тигрицей (*De Raptu Helenae* 577)²⁸. В этом фрагменте можно усмотреть отсылку к тому самому посвящению Фелициану Грамматику, в котором варвары сравниваются с дикими зверьми: среди них также фигурирует тигрица²⁹. Лагерь греков из «Похищения», таким образом, оказывается новым символическим выражением стаи хищников (= вандалов). Продолжает же эту симметрию, и довольно неожиданным образом, сам – на первый взгляд главный антигерой эпиллия – Парис. Драконций, не раз вспоминая его пастушеское происхождение³⁰, ставит этого персонажа на одну сторону с травоядными, если не с самим Орфеем – Фелицианом из того самого посвящения. Троянцы, таким образом, оказываются в «Похищении Елены» аллегорическим выражением римлян, «наследников Ромула».

Резонный вопрос, который сразу вызывает такая интерпретация поэмы: почему карфагенский поэт столь нарочито выставлял виновной в конфликте «свою» сторону, направив основную часть риторического арсенала против Париса? За этим не стоит ни ошибка, ни смена политических приоритетов или мировоззрения автора. Это вопрос исключительно риторической тактики. В своих ранних произведениях, посвящении Фелициану и «Контроверсии», молодой тогда еще поэт мог себе позволить обвинять противоборствующую сторону напрямую или путем полупрозрачных намеков. Обретя же некоторый жизненный опыт,

²⁷ Proc. Caes. De Bellis. III. 20. 21.

²⁸ Нурканае sic saepe solent per deua tigris...

²⁹ Romulea 1.7: lenta tigris, cervus audax, mitis ursus adfuit...

³⁰ De Raptu Helenae 2, 34, 40, 65, 90, 97–98, 118, 138, 148–149 и т. д. В общей сложности – более 20 раз.

в т.ч. тюремный, Драконций, не отказываясь от критики враждебного лагеря, стал в ней гораздо осторожнее. Как особенно хорошо видно по «Искуплению», наиболее заметный акцент в его риторике стал делаться на собственной виновности и восхвалении достоинств оппонента, но более детальное прочтение показывало картину уже не столь однозначной. В «Похищении Елены» этот же прием, по всей видимости, был продемонстрирован в более широком формате. На первый взгляд, виновниками Троянской войны (римско-вандалского конфликта) изображались троянцы (римляне), но при внимательном прочтении выясняется, что виновата в действительности противоположная, т.е. греческая (вандалская в политических реалиях времени Драконция) сторона.

Список сокращений

ВДИ = Вестник древней истории

ИЯКФ = Индоевропейское языкознание и классическая филология

NH = C. Plinii Secundi Naturalis historiae libri XXXVI / ed. C. Mayhoff. Vol. II. Leipzig: Teubner, 1856.

Proc. Caes. De Bellis = Procopius Caesariensis. De Bellis/History of Wars / eds. H. B. Dewing, G. Downey (with English translation). Vol. I–V. London, New York: Harvard University Press, 1914–1928 (Loeb Classical Library).

Romulea 1 = Praefatio Dracontii discipuli ad grammaticum Felicianum // Monumenta Germaniae Historica, Auctores antiquissimi. XIV. Berlin: Weidmann, 1905. S. 132.

Romul. 5 = Blossius Aemilius Dracontius. Controversia de statua viri fortis // Monumenta Germaniae Historica, Auctores antiquissimi. XIV. Berlin: Weidmann, 1905. S. 140–148.

Romulea 8 = Blossius Aemilius Dracontius. De Raptu Helенаe / Ed. F. Vollmer // Monumenta Germaniae Historica, Auctores antiquissimi. XIV. Berlin: Weidmann, 1905. S. 156–173; Dracontius. Œuvres. Tome IV: Poèmes profanes VI–X. Fragments. Texte établi et traduit par É. Wolff. Paris: Les Belles Lettres, 1996. P. 13–40.

Sat. = Blossius Aemilius Dracontius. Satisfactio ad Gunthamundum regem Wandalorum / Ed. F. Vollmer // Monumenta Germaniae Historica, Auctores antiquissimi. XIV. Berlin: Weidmann, 1905. S. 114–131; Dracontius. Œuvres. Tome II: Louanges de Dieu, Livre III. Réparation. Texte établi et traduit par C. Moussy. Paris: Les Belles Lettres, 1988. P. 141–224.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Гаспаров М.Л. (ред.). Контroversия о статуе храброго мужа // Поздняя латинская поэзия. М.: Художественная литература, 1982. С. 572–581. [Gasparov M.L. Kontroversiia o statue khrabrogo muzha // *Pozdniaia latinskaia poeziia*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1982. S. 572–581].

Никольский И.М. Блоссий Эмили Драконций. Искупление // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. Т. 16. 2017. С. 73–106. [Nikolsky I.M. Blossii Emilii Drakontsii. Iskuplenie // *Aristei: Vestnik klassicheskoi filologii i antichnoi istorii*. T. 16. 2017. S. 73–106].

Никольский И.М. Панегирик или тонкая издевка? Как образы животных могли поменять смысл «Искупления» Блоссия Эмили Драконция // ИЯКФ-XXII. Часть 2. 2018. С. 967–974. [Nikolsky I.M. Panegirik ili tonkaia izdevka? Kak obrazy zhyvotnykh mogli pomeniat' smysl «Iskupleniia» Blossiia Emilii Drakontsii // *Indoeuropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaiia filologiia*. № 22 (2). 2018. S. 967–974].

Ярхо В.Н. Античный мир на пороге Средневековья. «Трагедия Ореста» Драконция // ВДИ. 2000. № 3. С. 208–221. [Yarkho, V.N. Antichnyy mir na poroge Srednevekovyia. «Tragediya Oresta» Drakontsiya // *Vestnik drevney istorii*. № 3. 2000. S. 208–221].

Ярхо В.Н. Мифологические поэмы. М.: Лабиринт, 2001. [Yarkho, V.N. Mifologicheskie poemy. Moscow: Labirint, 2001.]

- Bouquet J., Wolff É. (eds.) *Dracontius. Œuvres. Tome III : La Tragédie d'Oreste. Poèmes profanes I-V.* Paris: Les Belles Lettres, 1995
- Bright D.F. *The miniature epic in Vandal Africa.* Norman: University of Oklahoma Press, 1987.
- Bright D.F. *The Chronology of the Poems of Dracontius // Classica et Mediaevalia. Revue danoise de philologie et d'histoire.* №50. Copenhagen, 1999. P. 193–206;
- Cichoń N. *The Judgement of Paris as Examined by a Lawyer and a Christian Moralist: Dracontius' De raptu Helenae // Symbolae Philologorum Posnaniensium Graecae et Latinae.* № 26. 2016. P. 157–170.
- Edwards M.J. *Dracontius the African and the Fate of Rome // Latomus.* № 63. 2004. P. 151–160.
- Marrón G.A. *Furor impius / non impia ira. Comparaciones de hombres con leones en la obra de Bloisio Emilio Draconcio. Euphrosyne: Revista de filología clásica.* № 45. 2017. P. 80–95.
- Marrón G.A. *La maternidad de Hesione en el "De raptu Helenae" de Draconcio // Estudios clásicos.* № 150. 2016. P. 91–102.
- Merrills A. *The perils of panegyric: The lost poem of Dracontius and its consequences // Vandals, Romans and Berbers: New perspectives on Late Antique North Africa / Ed. by A. Merrills.* Aldershot: Ashgate, 2004. P. 145–162.
- Obermeier A. *The History and Anatomy of Auctorial Selfcriticism in the European Middle Ages.* Amsterdam: Brill, 1999.
- Romano D. *Studi Draconziani.* Palermo: U. Manfredi editore, 1959.
- Schetter W. *Zur 'Satisfactio' des Dracontius // Hermes.* Bd. 118. H. 1. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1990. S. 90–117.
- Schetter W. *Über Erfindung und Komposition des 'Orestes' des Dracontius. Zur spätantiken Neugestaltung eines klassischen Mythos // Willy Schetter. Kaiserzeit und Spätantike: kleine Schriften 1957–1992.* Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1994 / Hrsg. O. Zwierlein. S. 342–369.
- Simons R. *Dracontius and der Mythos Christliche Weltansicht und pagane Kultur in der ausgehenden Spätantike.* Leipzig: De Gruyter, 2005.
- Van Zyl Smit B. *The Amorous Queen and the Country Bumpkin: Clytaemestra and Egistus in Dracontius' Orestis Tragoedia // Akroterion.* № 55. 2010. P. 25–36.
- Wasył A.M. *Genres Rediscovered: Studies in Latin Miniature Epic, Love Elegy, and Epigram of the Romano-Barbaric Age.* Krakow, 2011.
- Wolff É. (ed.) *Dracontius. Œuvres. Tome IV: Poèmes profanes VI-X. Fragments.* Paris: Les Belles Lettres, 1996.

Никольский Иван Михайлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, преподаватель кафедры всеобщей истории ИОИ РАНХуГС; *ivan.nikolsky@mail.ru*

Political Discourse in Dracontius' *De Raptu Helenae*

The article deals with the epyllion *De Raptu Helenae* written by the Carthaginian poet Dracontius (5th – early 6th century) as an example of representation of political perceptions in literary works in general and in works by this author in particular. Classical myth that have appeared in the piece of fiction in a new, original version, is viewed as an allegory of the events, contemporary with Dracontius, a conflict between the Romans and the Vandals. A view from such perspective gives an opportunity to re-estimate cardinally traditional, widespread in academic research belief about the character system and configuration in this work.

Keywords: Dracontius, epyllion, myths, antiquity, Rome, Carthage, Vandals, North Africa

Ivan Nikolsky, PhD in History, Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Lecturer, Institute of Social Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; *ivan.nikolsky@mail.ru*